

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

(1821—1881)

Ряд статей о русской литературе.

Введение

<...> Нужды нет, что не велика у нас масса людей цивилизованных. Не в величине дело, а в том, что уже исторически закончен у нас переворот европейской цивилизации, что наступает другой, и важнее всего то, что это уже сознали у нас. В сознании-то и все дело. У нас сознали, что цивилизация только привносит новый элемент в народную нашу жизнь, нисколько не повредив ей, нисколько не уклонив ее с ее нормальной дороги, а, напротив, расширив наш кругозор, уяснив нам же самим наши цели и давая нам новое оружие для будущих подвигов <...> Нет у нас сословных интересов, потому что и сословий-то, в строгом смысле, не было. Нет у нас галлов и франков, нет ценсов, определяющих внешним образом — чего стоит человек; потому что у нас только одно образование и одни нравственные качества человека должны определять — чего стоит человек; это сознают и это в убеждениях, потому что русский дух пошире сословной вражды, сословных интересов и ценсов. Новая Русь уже помаленьку ощупывается, уже помаленьку сознает себя и опять-таки нужды нет, что она не велика. Зато она, хоть и бессознательно, живет во всех сердцах русских, во всех стремлениях и позовах всех людей русских. Наша новая Русь поняла, что один только есть цемент, одна связь,

одна почва, на которой все сойдется и примирится, — это всеобщее, духовное примирение, начало которому лежит в образовании. Это новая Русь уже засвидетельствовала себя явлениями органическими и цельными, а не неудавшимися копиями и пересадками, как вы думаете. Она засвидетельствовала себя начинающеюся в молодом поколении новою нравственностью, ревниво и строго следящею за собою; она засвидетельствовала себя благородным самоосуждением, строгою совестливостью — что есть признак величайшей силы и неуклонного стремления к своему идеалу. Каждый день она разъясняет себе все более и более свой идеал. Она знает, что она еще только что начинается, но ведь начало-то и главное; всякое дело зависит от первого шага, от начала; она знает, что она уже кончила с вашей европейской цивилизацией и теперь начинает новую, неизмеримо широкую жизнь. И теперь, когда она обращается к народному началу и хочет слиться с ним, она несет ему в подарок науку — то, что от вас с благоговением получила и за что вечно будет поминать вас добром. — не цивилизацию вашу несет она всем русским, а науку, добытую из вашей цивилизации, представляет ее народу, как результат своего длинного и долгого путешествия от родной почвы в немецкие земли, как оправдание свое перед ним, и передавая ее ему, будет ждать, что сделает он сам из этой науки. Наука, конечно, вечна и незыблема для всех и каждого в основных законах своих, но прививка ее, плоды ее именно зависят от национальных особенностей, то есть от почвы и народного характера <...>

И вот разлилась как море благодетельная гласность; громко звякнула лира Розенгейма. Раздался густой и солидный голос господина Громеки, мелькнули <...>

закишали безчетные иксы и зеты, с жалобами друг на друга в газетах и повременных изданиях; явились поэты, прозаики, и все обличительные... явились такие поэты, прозаики, которые никогда бы не явились на свет, если б не было обличительной литературы <...> О, не верьте, не верьте почтенные иноземцы, что мы боимся благодетельной гласности, только что завели — и испугались ее, и прячемся от нее. Ради бога, пуще всего не верьте «Отечественным запискам», которые смешивают гласность с литературой скандалов. Это только показывает, что у нас еще много господ точно с ободранной кожей, около которых только пахни ветром, так уж им и больно; что у нас еще много господ, которые любят читать про других и боятся, когда другие прочтут что-нибудь и про них. Нет, мы любим гласность и ласкаем ее, как новорожденное дитя. Мы любим этого маленького бесенка, у которого только что прорезались его маленькие крепкие и здоровые зубенки. Он иногда невпопад кусает; он еще не умеет кусать. Часто, очень часто не знает кого кусать. Но мы смеемся его шалостям, его детским ошибкам и смеемся с любовью, что же? Детский возраст, простительно! <...> Нет, мы не боимся гласности, мы не смущаемся ею. Это все от здоровья, это все молодые соки, молодая неопытная сила, которая бьет здоровым ключом и рвется наружу!.. Все хорошие, хорошие признаки!..

Но что мы говорим о гласности! Всегда во всяком обществе есть так называемая золотая посредственность, претендующая на первенство. Эти золотые страшно самолюбивы. Они с уничтожающим презрением и с нахальной дерзостью смотрят на всех неблистающих, неизвестных, еще темных людей. Они-то первые и начинают бросать камни в каждого новатора. И как они злы, как тупы бывают в своем

преследовании всякой новой идеи, еще не успевшей войти в сознание всего общества. А потом какие крикуны выходят из них, какие рьяные и вместе с тем тупые преследователи этой же самой идеи, когда она получает преобладающее значение в обществе, не смотря на то, что они ее и преследовали вначале. Разумеется, они поймут, наконец, новую мысль, но поймут всегда после всех, всегда грубо, ограниченно, тупо и никак не допускают соображения, что если идея верна, то она способна к развитию, а если способна к развитию, то непременно со временем должна уступить другой идее, из нее же вышедшей, ее же дополняющей, но уже соответствующей новым потребностям нового поколения. Но золотые не понимают новых потребностей, а что касается до нового поколения, то они всегда ненавидят его и смотрят на него свысока. Это их отличительнейшая черта. В числе этих золотых всегда бывает чрезвычайно много промышленников, выезжающих на модной фразе. Они-то и опошливают всякую новую идею и тотчас же обращают ее в модную фразу. Они опошливают все, до чего ни прикасаются. Всякая живая идея в их устах обращается в мертвечину. Награду же за нее получают всегда они первые, на другой день после похорон гениального человека, ее провозгласившего и которого они же преследовали. Иные из них до того ограничены, что им серьезно кажется, гениальный человек ничего не сделал, а сделали все они. Самолюбие в них страшное. Мы сказали уже, что они чрезвычайно тупы и неловки, хотя кажутся толпе умными, все больше берут резкими и азартными фразами, впадают в крайности, не понимая ни смысла, ни духовной постройки идеи и, таким образом, вредят ей даже и тогда, когда искренно

разделяют ее <...> Не одна гласность преследуется в наше время. Преследуется и грамотность <...>

*Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т.
Л., 1978. Т. 18. С. 49—50, 60—62.*